

A decorative geometric frame composed of multiple overlapping lines, forming a diamond-like shape with a central horizontal band. The frame is light gray and serves as a container for the author's name and the title.

КЕЙТ
АТКИНСОН

ХРАМЫ ВЕСЕЛЬЯ

Издательство «Азбука»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
А 92

Kate Atkinson
SHRINES OF GAIETY
Copyright © 2022 by Kate Costello Limited
All rights reserved
Перевод с английского Татьяны Боровиковой
Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

ISBN 978-5-389-29369-4

© Т. П. Боровикова, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Кейт Аткинсон — настоящее чудо. Она один из лучших современных авторов, сокровище мирового масштаба. Действие «Храмов веселья» происходит в Лондоне «эпохи джаза», со всем его искристым безумием и жаждой новизны. И как бы зловеще порой ни поворачивалась история, в ее глубине всегда мерцает огонек человечности.

Гиллиан Флинн

Кейт Аткинсон — из тех редчайших авторов, кто без малейших усилий смыкает разрыв между настоящей литературой и коммерческой прозой.

Фей Уэлдон

Кейт Аткинсон — обязательное чтение. Я обожаю все, что она пишет.

Харлан Кобен

Столь непринужденному сочетанию комичного и трагичного мог бы позавидовать сам Диккенс — разве что сюжет у Аткинсон выстроен даже хитроумнее.

Хилари Мантел

Талант у Кейт Аткинсон поистине безграничный.

Маргарет Форстер

Кейт Аткинсон — поразительный мастер. Когда вырасту, я хочу научиться писать, как она.

Мэтт Хейл

Блестящий роман.

Ричард Осман (The Times)

«Храмы веселья» — британский ответ «Великому Гэтсби», пропитанный литературными аллюзиями на кучу шедевров, от Шекспира до Т. С. Элиота.

Майя Ставиская (Book Addict / Dzen.ru)

Шедевр сюжетостроения. Ансамбль действующих лиц идеально сложен и по-диккенсовски многообразен. Скрещения судеб и совпадения пронизывают всю ткань «Храмов веселья».

The Sunday Times

Предательства, соблазнения и невероятные персонажи крепко подцепят вас на крючок и не дадут скучать до самой последней страницы.

The Sunday Telegraph

«Храмы веселья» — книга, которую надо смаковать. Энергия, остроумие, искусно созданные образы — вот почему Кейт Аткинсон не теряет популярности.

The Guardian

Кейт Аткинсон глубоко понимает социальную историю XX века. «Храмы веселья» — идеальный роман для наших беспокойных времен, когда востребовано утешение этой особенной, чисто английской и ностальгической разновидности.

The Times

Многообразие персонажей, замысловатый сюжет — классическая Аткинсон, что тут скажешь. Бодрящий коктейль из детектива, романтики и сатиры, смешанный в лондонских ночных клубах «эпохи джаза».

Observer

«Храмы веселья» не просто читаешь, а отдаешься в их полную власть и разделяешь с автором то наслаждение, с которым прописана вся эта галерея неисправимых и неисправимо обаятельных проходимцев. Прямо Диккенс какой-то — но по стилю ближе к Теккерее...

Financial Times

Роскошная ночная жизнь и ее криминальное подбрюшье выписаны так ярко, что будто бы сам обоняешь стоялый сигаретный дым и пробуешь сомнительный алкоголь.

The Independent

Кейт Аткинсон снова играет в Диккенса, но на своих собственных условиях.

Mail on Sunday

Ярко и атмосферно, и восторг с первой до последней страницы.

Daily Mail

Пикантно, пронизательно, победоносно.

Good Housekeeping

Аткинсон владеет удивительным даром воскрешать прошлое, не подавляя читателя эрудицией. Харизматичные персонажи, искрометный диалог, увлекательный сюжет — и беспшибашная атмосфера города, не до конца оправившегося от ужасов Первой мировой.

Daily Express

Ослепительный портрет Лондона «эпохи джаза».

Woman's Weekly

Вечеринки до утра, продажные полицейские, подозрительные коктейли, дорогие автомобили, светские хроникеры, игорные притоны, роскошные наряды... Миссис Аткинсон — удивительная затейница, и к своему простому финалу роман несется на всех парах.

The Economist

Купите «Храмы веселья» немедленно — и не пожалеете.

The Tablet

Яркий, масштабный — и, пожалуй, самый диккенсовский из всех романов Аткинсон.

The New York Times

Кейт Аткинсон мастерски воспроизводит и блеск, и нищету Лондона 1920-х — не оторвешься.

Time

Доживи Диккенс до «эпохи джаза» — наверняка у него вышло бы что-нибудь очень похожее на «Храмы веселья»: обширное, разухабистое полотно, идеально передающее бесшибашность «ревущих двадцатых».

Washington Post

Послевоенный Лондон вековой давности вышел у Аткинсон как живой. Не скупясь, она подает нам шипучий коктейль из тепла и меланхолии.

The New York Times Book Review

Идеальный баланс нежности и кручины, приправленный фирменным остроумием миссис Аткинсон. Ее словесное волшебство не дает нам упасть и в то же время опутывает паутиной сюжетных хитросплетений.

The Wall Street Journal

Удивительно изощренный, идеально отлаженный механизм повествования. Лондон «эпохи джаза» в «Храмах веселья» почти так же безжалостен, как викторианский метрополис у Диккенса, а интригами и преступлениями насыщен даже в большей степени. Словом, полный восторг.

Slate

Туго перекрученный пучок интриг... историческая ткань ручной выделки положительно блестит.

The Boston Globe

Стилизация под декоративный реализм Дикенса и Э. М. Форстера, и на каждой странице — эволюция от жанра к жанру и обратно: комедия, трагедия, реализм, постмодернизм...

Oprah Daily

Как и все романы Аткинсон, «Храмы веселья» не укладываются в жанровые рамки. Это историческая проза, однако в современной оптике.

Kirkus

Привычно язвительная проза, по-византийски коварные интриги... а в самом сердце роскошного исторического полотна — замысловатая игра в кошки-мышки.

Publishers Weekly

Захватывающая реконструкция Лондона 1920-х годов. Аткинсон искренне любит своих персонажей, и даже самые эпизодические из них описаны с достоверной глубиной, так что сопереживаешь каждому их взлету и падению.

Booklist

Каждую книгу Аткинсон открываешь с привычной радостью — с чувством, что важна каждая мелочь и что каждый сюрприз в итоге сыграет необходимую роль.

BookPage

Восхитительно... Аткинсон снова на своем неповторимом коне.

Vogue

Кейт Аткинсон совершенно уникальна в своем умении воспроизвести живую ткань самой истории, превосходя даже таких мастеров, как дважды лауреат Букеровской премии Хилари Мантел.

The Times

Кейт Аткинсон никогда не ограничивала себя детективным жанром, и все у нее выходило с неизменным блеском.

The New York Times

Мастер-класс сюжетной смелости, песнь любви и утраты во всех мыслимых проявлениях.

The Guardian

Остроумие Аткинсон и гениальное проникновение в характеры восхитительно украшают прочный костяк ее идей. Романы ее замечательны сами по себе, и вдобавок каждый из них демонстрирует внушительный рост блистательного и глубоко оригинального писателя.

Daily Express

Каждую новую книгу Аткинсон ждешь, как Рождества: никто другой из наших современных писателей не способен так виртуозно балансировать на грани между серьезным и увлекательным, комичным и трагичным.

Sunday Telegraph

Один из самых блестящих, остроумных авторов нашего времени.

The Scotsman

По литературному мастерству, по яркости и глубине психологических описаний Кейт Аткинсон сегодня нет равных.

Evening Standard

Поистине выдающийся автор, добавивший новых оттенков в британскую литературную палитру. Главная сила Аткинсон — в наблюдательности и юморе.

The Guardian

Кейт Аткинсон переосмысляет историю на самом что ни на есть человеческом уровне.

Daily Mail

Кейт Аткинсон смело экспериментирует с такими понятиями, как свобода воли, предопределение и само время. Ее героев не забудешь при всем желании, а в том, что касается развития сюжета, она без преувеличения гений.

The New York Times

Романы Аткинсон замечательны и сами по себе, и как признаки того, что на наших глазах растёт блестящий, глубоко оригинальный писатель.

Daily Telegraph

Кейт Аткинсон остроумна, не говорит ни одного лишнего слова, заставляет вас задуматься и не идет ни у кого на поводу.

Sunday Times

Кейт Аткинсон умеет быть загадочной и смешной, поднимая этот свой дар в каждом новом романе до заоблачных высот.

Sunday Tribune

Читать Кейт Аткинсон — все равно что катиться с американских горок. Скучно не будет.

Mail on Sunday

Кейт Аткинсон пишет, руководствуясь остро отточенным литературным чутьем... Забавно, умно и странно трогательно.

Caledonian

Ее книги буквально искрят энергией и остроумием... удовольствие автора от самого процесса письма заразительно.

Literary Review

Как это у нее получается? Аткинсон заставляет читателя то хохотать до упаду, то рыдать в голос — иногда в пределах одной и той же фразы. Выдающийся триумф, неудержимая радость!

The Boston Sunday Globe

Блестящая, энергичная, лихая проза Аткинсон потрясает... Остроумно, смело и незабываемо.

The Times

Автор явно любит своих героев и выписывает их непростые взаимодействия с азартным упоением. А ее страсть к Англии и всему английскому — немодный и приятный сюрприз.

Spectator

Секрет ее успеха в том, что не важно, узнаёт ли читатель всякий жест в ее эквилибристике, поскольку множество персонажей описаны с такой яркой точностью, что в центре всего оказываются они сами и события, с ними происходящие.

New York Times Book Review

В каждой семье найдутся свои негодяи, бунтари, лжецы и обманщики — но только Кейт Аткинсон умеет описать их с таким юмором и так полнокровно.

The Washington Times

Литературная карьера англичанки Кейт Аткинсон вычертила довольно необычный зигзаг: начав с «просто романов», писательница переместилась в нишу детектива, добилась там колоссального успеха, а затем, не моргнув глазом, вновь вернулась к «просто романам».

Галина Юзефович

Жила-была в ревушие двадцатые ирландская владелица лондонских ночных клубов Кейт Мейрик. За тринадцать лет оглушительной карьеры она заработала и потратила целое состояние, отсидела пять (коротких) тюремных сроков и стала прообразом мамыши Мейфилд из «Возвращения в Брайдсхед» Ивлины Во. Самой известной площадкой Мейрик был «Клуб 43» на Джерард-стрит в Сохо. Судьи называли ее заведения «пляшущими преисподними и сточными канавами аморальности», но для истории они оказались олицетворениями Века джаза.

У Кейт Аткинсон лондонская «королева ночных клубов» предстает под именем Нелли Кокер; ей помогает вести дела сын, только что вернувшийся с полей Первой мировой. Нелли оказывается втянута в полицейское расследование: племянница одной библиотекарши и военной медсестры пропала без вести, и путь ее обрывается как раз в Сохо, в одном из местных ночных клубов; причем это далеко не единственное исчезновение. Расследует их инспектор по фамилии Фробишер, проходящий одновременно на Мегрэ и Порфирия Петровича.

Год литературы: Дневник читателя

ХОЛЛОУЭЙ

— Там кого-то вешают? — нетерпеливо спросил мальчик-газетчик, не обращаясь ни к кому в особенности.

Тринадцатилетний, он не вышел ростом и сейчас подпрыгивал, пытаясь получше разглядеть, что за театральное действие происходит у ворот. Едва рассвело, небо было еще совсем темное, но это не помешало пестрой толпе из очень разных людей собраться у тюрьмы Холлоуэй. Половина толпы встала рано, другая же половина, похоже, еще и не ложилась.

Многие пришли в вечерних нарядах — мужчины в смокингах или фраках, женщины мерзли в легких шелковых платьях с голой спиной под меховыми манти. Мальчик ощущал застарелые миазмы алкоголя, духов и табака. «Фраера», — подумал он. Его удивило, что они стояли бок о бок с фонарщиками, молочниками и фабричными рабочими ранней смены, не говоря уж о всяком сброде и зеваках, которых всегда привлекает возможность поглазеть, даже неведомо на что. Себя мальчик к последним не причислял. Он лишь с любопытством наблюдал со стороны причуды рода человеческого.

— Ну так что, вешают? — не отставал он, дергая за рукав ближайшего фраера — крупного краснолицего мужчину с едкой сигарой в зубах и открытой бутылкой шампанского в руке.

Должно быть, вечер тот начал в безупречном виде, но сейчас крахмальная манишка была усеяна пятнами еды, а блестящие лакированные штиблеты забрызганы рвотой. Увядавшая от ночных излишеств красная гвоздика поникла в петлице.

— Отнюдь нет, — откликнулся фраер, добродушно покачиваясь. — Радостное событие. Мамашу Кокер выпускают.

Мальчик подумал, что «Мамаша Кокер» звучит как персонаж детской считалочки.

С другого бока от него стояла женщина в унылом габардиновом пальто, держа перед собой картонку, как щит. Мальчику пришлось вытянуть шею, чтобы прочесть написанное. В картонку было яростно вцарапано карандашом: «Труды праведного — к жизни, успех нечестивого — ко греху. Притчи 10: 16». Мальчик беззвучно шевелил губами, но даже не пытался осмыслить эти слова. Десять лет подряд его насильно таскали в воскресную школу, но он умудрился пропустить мимо ушей почти все, что касалось грехов.

— За ваше превосходнейшее здоровье, мадам, — бодро провозгласил фраер, отсалютовал бутылкой женщине в унылом пальто и приложился к горлышку; она мрачно зыркнула на него и буркнула что-то про Содом и Гоморру.

Мальчик протиснулся в первые ряды, откуда было хорошо видно внушительные ворота — деревянные с железными заклепками, больше подходящие средневековой крепости, чем женской тюрьме. Будь мальчиков трое, встань они друг другу на плечи, как китайские акробаты (он видел таких в «Ипподроме»), тот, что сверху, может, и дотянулся бы до верхней арки ворот. Тюрьма Холлоуэй будоражила воображение мальчика. Он представлял себе, как за толстыми каменными стенами томятся прелестные беспомощные девушки в ожидании спасителя — в первую очередь его самого.

Стремясь запечатлеть волнующее событие, рядом суетился фотограф из «Эмпайр ньюс» — его выдавала карточка, лихо заткнутая за ленту шляпы. Мальчик ощутил родство душ — как-никак они оба сотрудники индустрии новостей. Фотограф снимал групповой портрет нескольких «светских прелестниц». О таких мальчик был наслышан, поскольку не ленился полистать «Татлер» и «Байстэндер», разнося их по почтовым ящикам.

Прелестницы — редкие птицы в этих краях — позировали перед воротами тюрьмы. Трое старших, на вид лет двадцати, кутались в роскошные меха, спасаясь от утреннего холода. Четвертая, слишком юная для прелестницы, была в шерстяном школьном пальто. Все четверо застыли в изящных позах, будто сошли с гравюры, запечатлевшей последние моды. Видно было, что восхищенный взгляд объектива им не в новинку. Мальчика сразила страсть. Женская красота легко обезоруживала его.

Фотограф выкопал в недрах кармана блокнот и записал имена девушек, чтобы завтра не ошибиться в подписях. Нелли Кокер чем-то держала редактора, отвечающего за фото. Видно, за ним водятся грешки, предположил фотограф.

— Эй, там! — крикнул он кому-то вне поля зрения. — Рамзи, давай сюда! Вставай рядом с сестрами!

Появился юноша, и его поставили в общую кучку. Он явно не желал фотографироваться, но для вспышки вовремя изобразил на лице оскал.

Затем безо всяких фанфар отворилась небольшая дверца в огромных тюремных воротах и вышла малорослая, похожая на сову женщина, щурясь от надвигающегося света свободы. Толпа, особенно представители «чистой публики», разразилась приветствиями: «Даёшь, мамаша!» и «Нелли, ура!» Впрочем, мальчик расслышал и выкрик «Иезавель!» откуда-то из середины толпы — возможно, со стороны унылого габардина.

Нелли Кокер выглядела вяло и совсем не походила на библейских иезавелей, как их представлял себе мальчик. С огромным букетом белых лилий и розовых роз, который ей тут же всучили, она казалась совсем маленькой. Одна из прелестниц держала наготове большую меховую шубу и набросила ее на плечи освобожденной арестантки, будто сбивая пламя. Мальчику это напомнило, как мать проделала то же самое с младшей сестренкой, когда та еще младенцем свалилась на каминную решетку и подол платья занялся. Обе уцелели, остались только небольшие шрамы.

Прелестницы столпились вокруг женщины — их матери, как догадался мальчик, — целовали и обнимали ее. Младшая жалась к ней, явно переигрывая, на его взгляд. Мальчик был знатоком театрального искусства: маршруты разноски газет пролегли мимо служебных входов всех театров Вест-Энда. В «Паласе» вахтер служебного входа, бодрый ветеран Соммы, бесплатно пропускал его на галерку во время дневных спектаклей. Мальчик уже пять раз посмотрел «Нет, нет, Нанетт» и был по уши влюблен в Бинни Хейл, очаровательную звезду шоу. Он знал наизусть все слова песен «Чай для двоих» и «Я хочу счастья»¹ и готов был их спеть, если попросят. Особенно ему врезалась в память сцена, где кордебалет и сама Бинни (мальчик решил, что после стольких встреч имеет право называть ее просто) появлялись на сцене в купальных костюмах. Зрелище было будоражаще скандальным, и у него всякий раз чуть глаза на лоб не лезли.

---

¹ «No, No, Nanette» — мюзикл Винсента Юманса на стихи Ирвинга Сизара и Отто Харбаха, либретто Отто Харбаха и Фрэнка Мэндела на основе пьесы Харбаха «Мои подруги» (1919). В 1924 г. мюзикл стал хитом в Чикаго, в том числе благодаря успеху песен «Tea for Two» и «I Want to Be Happy», а годом позже открылся на Бродвее и в лондонском Вест-Энде (театр «Палас»), где главную роль исполнила *Бинни Хейл* (1899–1924). В Нью-Йорке мюзикл продержался 321 представление, в Лондоне — 665, и неоднократно возобновлялся; также вышли две экранизации — в 1930 и 1940 гг. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Правда, за бесплатный проход приходилось расплачиваться, слушая бесконечные военные байки привратника и восхищаясь его коллекцией шрамов. Когда началась война, мальчику был всего год, и она, как и грех, пока была для него пустым звуком.

На Рамзи, младшего из двух сыновей Нелли, перевалили бремя врученного матери букета, и фотограф подловил его с цветами в руках, будто краснеющую невесту. К вящему неудовольствию сестер (да и самого Рамзи), именно этот снимок назавтра украсил газету под заголовком «СЫН СКАНДАЛЬНО ИЗВЕСТНОЙ СОДЕРЖАТЕЛЬНИЦЫ НОЧНЫХ КЛУБОВ СОХО НЕЛЛИ КОКЕР ВСТРЕЧАЕТ МАТЬ ИЗ ТЮРЬМЫ». Рамзи мечтал прославиться собственными силами, а не быть придатком к славе матери. От запаха цветов его пробрало на чих — «чхи-чхи-чхи», раз за разом, — и мальчик-газетчик расслышал реплику Нелли: «Господи боже, Рамзи, да возьми ты себя в руки». Моя бы ровно то же самое сказала, подумал мальчик.

— Мам, поедem домой, — сказала одна из сонма прелестниц.

— Нет, — решительно возразила Нелли Кокер. — Едем в «Аметист». Отпразднуем.

Капитан твердо взялся за штурвал.

Толпа начала рассасываться, и мальчик-газетчик двинулся своим путем, воодушевленный тем, что стал свидетелем исторического события. Тут он вспомнил о припрятанном с утра сморщенном яблоке. Вытащил его из кармана и смачно захрустел, совсем как лошадь. Яблоко было восхитительно сладкое.

Фраер с сигарой заметил мальчика и сказал: «Знатное шоу, а?» — словно и впрямь интересовался его мнением,

а потом отвесил дружелюбную заушину и наградил шестипенсовиком. Мальчик весело поскакал прочь.

Удаляясь, он услышал, как кто-то в толпе закричал: «Держи вора!» Впрочем, этот термин годился для любого из присутствующих, кроме разве что одного человека, который наблюдал с безопасного расстояния из окна неприметного автомобиля. То был старший инспектор Джон Фробишер — «Фробишер из Скотленд-Ярда», как называли его в журнале «Джон Буль», хотя и не совсем точно, поскольку сейчас инспектора временно прикомандировали к участку на Боу-стрит в Ковент-Гардене с задачей «перетряхнуть их немножко». Ни для кого не было секретом, что в участке процветает коррупция, и Фробишеру поручили выявить паршивых овец.

Недавно журнал «Джон Буль» попросил инспектора написать серию статей о работе полиции, с прицелом на будущую книгу. Фробишер не самовлюблен, вовсе нет, но вдохновился этой идеей. Он всегда был книголюбом, и творческая задача увлекла его. Правда, теперь он засомневался. Сам он предлагал заголовок «Лондон под покровом тьмы», но журнал продавливал «Ночь на квадратной миле порока». Фробишер не понимал, почему его это удивляет: ведь любой бульварный листок пестрит шокирующими историями об иностранцах, совращающих женщин с пути истинного. Хотя на самом деле женщине скорее грозит, что у нее средь бела дня вырвут сумку.

До сих пор в «Джоне Буле» ничего не напечатали, только всякий раз, когда Фробишер приносил что-нибудь, просили добавить «жареного», «огоньку». То и другое было чуждо характеру Фробишера. Он трезво смотрел на жизнь, хоть и был не так уж прост и не лишен чувства юмора — качества, мало востребованные в Скотленд-Ярде.

Он рассеянно следил за двумя женщинами, которые незаметно передвигались в толпе, виртуозно обчищая кар-

маны. Фробишер узнал в них шестерок из женской банды «Сóрок воровок», но девицы были мелкой сошкой и сейчас его не интересовали.

Подъехали два двухцветных, кремовых с черным, «бентли» — один свой, другой взятый напрокат для пущей важности. Кокеры расселись по ним и укатили, помахивая публице ручкой, будто королевские особы. Преступление обогащает, борьба с ним — нет. Фробишер с трудом подавил укол зависти к «бентли». В душе инспектора вскипала обида законопослушного человека. Сам-то он пока всего лишь копил на скромный «остин-семерку», автомобиль для масс.

Порочную империю Кокеров он собирался разрушить до основания. Грязное подбрюшье Лондона, украшенное блестящими цацками, сосредоточилось в ночных клубах, особенно в «Аметисте» — крикливой драгоценности в самом сердце Сохо. Фробишера тревожил не столько упадок морали — танцы, выпивка, даже наркотики, — сколько судьба девушек. В Лондоне пропадали девушки. Он знал как минимум о пяти исчезнувших за последние несколько недель. Куда они девались? Фробишер подозревал, что они входили в двери клубов Сохо и больше не выходили.

Он обернулся к женщине, сидящей сзади в той же машине без опознавательных знаков:

— Вы хорошо их рассмотрели, мисс Келлинг? Как вы думаете, сможете выполнить мое поручение?

— Безусловно, господин старший инспектор, — кивнула Гвендолен.

ФУКОВАЯ ДАМА

В «Аметисте» главный бармен Фредди Бассетт преподнес Нелли очередной огромный букет.

— Добро пожаловать домой, миссис Кокер, — сказал он. Никаких «Нелли», он никогда не опускался до фамильярностей с семьей. У него были свои стандарты. Он проходил стажировку в «Рице» и потом работал там же, пока не лишился места из-за неприятного инцидента с двумя горничными в кладовке для белья.

— Можете представить себе остальное, — сказал он Нелли, когда пришел наниматься в «Аметист».

— Лучше не буду, — ответила она.

Нелли не любила цветы, считая их слишком капризными. По ее мнению, им место было на свадьбах и похоронах, но не на ее собственных, уж извините. Нелли желала покинуть мир неприкрашенной, как и появилась в нем: без единой ромашки.

Вместо цветов она предпочла бы получить коробку пирожных из «Мезон Берто» за углом на Грик-стрит — шоколадные эклеры или ром-бабы, а лучше и то и другое. Нелли обожала сладкое, пристрастившись к нему еще в детстве благодаря шотландским конфетам «Кислая слива» и «Ховикские шарики». Ужаснее всего в тюремной жизни оказалась еда. Дочери по воскресеньям приносили матери в тюрьму карамельки. За время заключения у Нелли появилось много идей о реформе пенитенциарной системы,

и первой в списке стояла еженедельная выдача сладостей на два пенса — зефира и кокосовой помадки, если уж выбирать.

Когда полгода назад Нелли водворили в Холлоуэй, персонал «Аметиста» послал ей вслед дары, достойные праздника урожая, — огромный букет цветов и корзину экзотических фруктов, собранную торговцем с рынка Ковент-Гарден, завсегдагаем клуба. Сотрудники украсили подарок надписью «Удачи», вырезанной из затейливой рельефной серебряной карточки, откопанной в дальнем чулане с новогонными украшениями клуба.

Эту роскошь конфисковала надзирательница, едва Нелли оказалась внутри мрачных стен. Экзотические фрукты — ананасы, персики, фиги — поделили между персоналом, пока Нелли довольствовалась скудным тюремным пайком — неизменным гороховым супом, пудингом на нутряном сале и говяжьим рагу, мерзким блюдом, и рядом не лежавшим с коровой, на родство с которой оно претендовало.

В самый первый вечер, перед отбоем, в лючок на двери камеры Нелли просунули розу, красную, выдернутую из букета. Нелли не поняла, в каком духе ее преподнесли — издевательски или желая утешить. Сокамерница, бельгийка, застрелившая любовника, не испытывала подобных сомнений. Она выхватила розу и топтала ее ногами в тяжелых ботинках, пока лепестки не обагрили холодные камни пола в камере.

Клуб закрылся на ночь совсем недавно, и почти все работники остались, чтобы встретить своего капитана звуками фанфар. Только оркестр уже упаковал инструменты и ушел (он упрямо отстаивал свою независимость). Миновал уже час с тех пор, как музыканты сыграли гимн «Боже, храни короля», под который покачивались последние стой-

Аткинсон К.

А 92 Храмы веселья : роман / Кейт Аткинсон ; пер. с англ. Т. Боровиковой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 544 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-29369-4

В высшую лигу современной литературы Кейт Аткинсон попала с первой же попытки: ее дебютный роман «Музей моих тайн» получил престижную Уитбредовскую премию, обойдя «Прощальный вздох мавра» Салмана Рушди, а цикл романов о частном детективе Джеконе Броуди, успевший полюбиться и российскому читателю («Преступления прошлого», «Поворот к лучшему», «Ждать ли добрых вестей?», «Чуть свет, с собакою вдвоем», «Большое небо»), Стивен Кинг окрестил «главным детективным проектом десятилетия».

«„Храмы веселья“ — британский ответ „Великому Гэтсби“, — писали критики, — пропитанный литературными аллюзиями на кучу шедевров, от Шекспира до Т. С. Элиота». И так, на дворе 1926 год. Страна еще толком не оправилась от мясорубки Великой войны, а в Лондоне правит бал «эпоха джаза». В ночных клубах Сохо пары Англии трутся плечами с гангстерами, а высокопоставленные иностранные гости танцуют со старлетками, по шиллингу за танец. Самыми модными клубами — «Аметист», «Фея», «Лисья нора», «Сфинкс» и «Хрустальная чаша» — правит Нелли Кокер с ее непутевыми детьми. Но где успех, там и враги; отражать угрозы внешние и внутренние миссис Кокер не привыкать, однако сейчас таинственный противник нацелился на ее империю целиком — и вдобавок все ближе неуютный фокус полицейского внимания: именно на ее клубы выводит расследование целой серии таинственных исчезновений молодых девушек. Совпадение ли?..

«„Храмы веселья“ — идеальный роман для наших беспокойных времен, когда востребовано утешение этой особенной чисто английской и но-стальгической разновидности» (*The Times*).

Впервые на русском!

**УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44**

КЕЙТ АТКИНСОН

ХРАМЫ ВЕСЕЛЬЯ

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Дарина Никонова
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректоры Валентина Гончар, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 08.05.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 7000 экз.
Усл. печ. л. 33,32. Заказ № .

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. ш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-BRN-38483-01-R